

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (системно-типологический подход)

Т.В. Липатова

Кафедра русского языка № 1
Факультет русского языка
и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 12, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена философской сущности невербальных средств коммуникации и отношению к ним системной лингвистики в ракурсе их взаимоотношений с вербальными средствами коммуникации и системой языка в целом. Автор предлагает системно-лингвистический подход к разграничению лингвистики и паралингвистики, доказывая, что значительное число паралингвистических единиц, таких как дескриптивные и символические жесты, мимика, иные виды телодвижений, а также пространственные особенности организации общения, которые современная лингвистика не включает в список языковых средств, на самом деле именно ими и являются. Более того, они представляют собой неотъемлемую, органическую, но одновременно периферическую часть языковой системы.

Ключевые слова: социальное поведение, вербальные и невербальные средства коммуникации, системная лингвистика, паралингвистика, периферическая часть языковой системы.

Социальное поведение, формирующееся в контексте ситуативного многообразия конкретно-исторических условий и определяемое особенностями места человека в обществе, обусловлено в первую очередь возможностью общения людей друг с другом. Главным средством общения является язык, представляющий собой материально-духовное образование. Язык отражает богатство познавательных способностей человека в индивидуальной и социальной сферах. Он также позволяет закрепить в материальной форме особенности индивидуального и общественного сознания человека.

Однако в речевом общении, кроме обычных для естественных языков артикуляционно-акустических или вербальных знаков, используются те или иные дополнительные системы знаков неакустического и невербального характера. Именно эти знаки стали объектами изучения таких нелингвистических дисциплин, как проксемика, такесика и кинесика, первая из которых получила свое название

от английского “proximity” т.е. «близость» (термин предложил американский ученый Э. Холл [18]) и обозначает эффекты пространственной организации общения, а также влияние территорий, ориентации и дистанции между людьми на характер межличностного общения.

Такесика изучает поведение человека, связанное с тактильной системой восприятия (рукопожатия, объятия и т.д.), а содержание третьей дисциплины полностью соответствует греческому оригиналу ее названия, — “kinesis”, т.е. совокупность телодвижений, жестов, мимики, применяемых в процессе человеческого общения.

Кинесика явилась составляющей частью «самой лингвистической» из дисциплин, занимающихся невербальными средствами коммуникации (НВС), — паралингвистики. В целом паралингвистика изучает функциональное использование невербальных средств (НВС) при формировании конкретных речевых высказываний, а именно: просодических явлений, таких как темп речи, тембр голоса, паузация, интонация, мелодика и др., и кинетических явлений в виде телодвижений как совокупности целенаправленных перемещений и поз, проксемики как расположения общающихся относительно друг друга людей, жестов, мимики, манеры вести себя и т.п. Ведь общение осуществляется не только путем обмена языковыми знаками, но также, как отмечает известный языковед Ю.С. Степанов, «путем обмена деятельностью и продуктами деятельности, путем демонстрации фрагментов рутинного ролевого поведения, намеренного нарушения правил речевого и неречевого поведения, жестов, манеры сидеть, расстановки мебели, эмоциональных интонаций, неосознанным отбором слов и т.д.» [11. С. 82].

Подробное описание ситуаций применения невербальной жестовой, кинетической речи мы находим в статье А.В. Филиппова «Звуковой язык и „язык“ жестов», где автор поясняет: «Кинетическая речь применяется, если: а) между собеседниками далекое расстояние; б) стоит большой шум; в) собеседники не знают языка друг друга, но рассчитывают на доходчивость метафорических и визуально-ономатопозитических жестов; г) один из собеседников страдает недостатками голосового или слухового аппарата; д) торжественность обстановки не позволяет говорить вслух, е) нужно соблюдать полнейшую тишину; ж) человек не желает перебивать чью-либо словесную речь; з) человек желает скрыть мысль от части присутствующих и сообщить что-то лишь одному или нескольким из них; и) человек не может почему-то говорить. Иногда человек предпочитает показать жестом, а не сказать словом ради краткости и простоты, чтобы подчеркнуть свою нерасположенность к разговору или считая, что жест выразительнее слова. Жесты пускают в ход при даче информации животным (постукивание по колену — знак собаке «иди сюда», жест «замахнуться угрожающе», «стегнуть кнутом» — знак ехать быстрее и т.п.), а также если они сочетают рефлекторность и намеренную дачу информации вовне собеседнику (подпрыгивать от радости). Особой серией являются традиционно-ритуальные жесты, имеющие определенное денотативно-коннотативное значение (стойка смиренно, рукопожатие, целование знамени)» [12. С. 141].

Что же касается вербальной речи, то устное изложение мыслей применяется в обычной речевой обстановке, т.е. при условии: пространственной близости собеседников, относительной тишины, знания ими слов языка, способности говорить и слышать, если это не противоречит каким-либо правилам, не ведет к неприятным последствиям, если нет нужды скрывать мысли от рядом находящихся.

Жестовая речь применяется при отсутствии хотя бы одного из вышеперечисленных условий или при наличии хотя бы одного из противоположных вышеназванных условий; она имеет качества, благодаря которым в иные моменты приходит на помощь неэффективной или невозможной манифестации устной речи — жестовая речь не звучит, жесты видны дальше, чем слышны слова, часто более пиктографичны, наглядны, чем слова. Поэтому изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на вербальные, так и на невербальные факторы (или, как писал Шарль Балли, артикулируемые и неартикулируемые знаки) [3].

Многие лингвисты, как, например, Г.В. Колшанский, считали, что привлечение НВС к участию в коммуникации диктуется не ущербностью языковой системы, каким-либо пробелом в ее структуре, а лишь обстоятельствами внешнего порядка, связанными с характером коммуникации: соблюдением определенного темпа беседы, акцентированием смысла высказывания, внесением личностного отношения к сообщению и т.д. [7]. Но каждый язык, обладая неповторимыми достоинствами, имеет целую шкалу малых и больших недостатков, заключающихся в плохой приспособленности данного языка выражать содержания того или иного типа. Кроме того, в каждом языке есть свои благоприятные и неблагоприятные внешние условия общения, которые определяют внешнюю детерминанту. Это положение всегда отмечал в своих работах основатель системной лингвистики Г.П. Мельников и его ученики.

Назначение НВС определяется их опосредованным включением в акт высказывания и выполнение ими следующих функций:

1) функции подсобного элемента для достижения однозначности коммуникации в связи с обобщенным и полисемантическим характером собственно языковых средств;

2) функции компенсации элиминированных по той или иной причине в реальном процессе коммуникации некоторых языковых средств [8; 9].

Подобный взгляд на роль НВС в коммуникации высказывает И.Н. Горелов, который утверждает, что наличие паралингвистических компонентов, способных дополнять и даже замещать лингвистический знак, не согласуется с исходным положением Г.В. Колшанского относительно универсальности и полной самостоятельности языковой системы во всех ее проявлениях [4. С. 106].

Таким образом, вербальное и невербальное поведение в конкретной ситуации общения выступают в единстве, составляя главнейшие компоненты коммуникативного акта. Подтверждение этого положения находим у Л.М. Шелгуновой, которая пишет: «Речевое и неречевое поведение, вербальные (собственно речь, ее особенности) и невербальные формы речевого поведения (жесты, мимика, интонация, поза, телодвижение и т.д.) выражают эмоциональное или психическое

состояния, мотивированные условиями и обстоятельствами речи, выступают в единстве, являясь компонентами единого деятельностного акта, имеющего определенные мотивы и цели» [14. С. 7].

Использование человеком НВС в процессе вербальной коммуникации является настолько же естественным, как естественно и биологически закономерно взаимодействие нейрофизиологических процессов, участвующих в производстве речи. Изучение взаимодействия вербальных и невербальных средств в процессе общения помогает глубже ставить вопросы, касающиеся природы языка, его структуры и функционирования в живой речи. Участие тех или иных НВС в высказывании заранее предопределено самой системой языка, социальным характером его происхождения и биологической природой говорящего субъекта.

Изучение НВС, сопровождающих языковое общение, также необходимо, как и изучение самих языков, т.к. НВС являются неотъемлемой частью человеческого общения. Невербальная коммуникация — это один из видов человеческого общения, тесно связанный и взаимодействующий с речевым общением.

Коммуникативные функции определенным образом распределены между вербальными и невербальными средствами в языках различных типов, обеспечивая тем самым семиотическую полноту описания конкретных языков. Далеко не все НВС, относимые к ведению паралингвистики, являются неязыковыми, не входящими в систему языка. Все невербальное поведение может быть описано словом. Язык является системой имен, кодифицирующих все явления мира, известные человеку, и благодаря этому все невербальное поведение может быть описано словом. Сегодня НВС изучаются различными науками, такими как физиология, антропология, психиатрия, криминалистика, психология (психология общения и этнопсихология), этнография, искусствоведение, социология и семиотика. Наука, изучающая функциональное использование НВС для формирования речевых высказываний, — паралингвистика. Термин «паралингвистика» предложил А. Хилл, он ориентирован на связь наблюдаемых неязыковых явлений с языком [20. С. 408—409]. Под паралингвистическими понимаются явления, сопутствующие языку (греч. «рага» — около).

На протяжении всей истории развития философии и лингвистики представители разных течений поднимали вопрос о роли НВС в коммуникации. Это Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, Р. Дидро, Э.Б. де Кондильяк, И.Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер и Г. Штейнталь. Но описание и первоначальная систематизация речевой жестикуляции была предпринята еще в трудах по античной риторике и сценической речи Аристотеля, Феофраста, Квинтилиана, Цицерона.

Коммуникативные возможности жестикуляции рассматриваются в риторических наставлениях римского оратора Фабия Квинтилиана (1 век н.э.), который говорил, что движения всего тела помогают оратору, но руки... говорят сами [1]. А Цицерон говорил, что каждое движение души имеет свое естественное выражение в голосе, жесте, мимике. Движения должны отвечать диалогу и смыслу слов [1]. Практическое применение телодвижений, жестов и мимики в ораторской речи на сцене исследовали Б. Брехт и К. Станиславский. В теоретическом плане научному исследованию коммуникативных движений в рамках современной психологии положили начало Г. Спенсер и В. Вундт, а в плане эмпирического исследова-

дования — Ч. Дарвин. Центральной проблемой было выдвинуто соотношение внутреннего переживания и его внешнего поведенческого выражения. В. Вундт, считавший, под влиянием идей В фон Гумбольдта, что язык — это единство деятельности духа и деятельности тела, и убежденный, что первейшими психофизическими проявлениями являются движения, вводит специальный термин «выразительные движения» для обозначения НВС. Ч. Дарвин, говоря о соотношении языка, жестов и мимики, отмечал: «Способность членов одного и того же племени сообщаться между собой при помощи языка имела первостепенную важность в развитии человека, выразительные же движения лица и тела весьма содействуют силе языка» [6. С. 204—205].

О необходимости изучения НВС говорили многие русские лингвисты: Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, И.А. Бодуэн де Куртене и Е.Д. Поливанов. Так, Фортунатов писал: «Язык, как совокупность знаков для мышления и для выражения мыслей и чувствований, может быть не только языком, материалом для которого служат звуки речи, но он может быть также и языком жестов и мимики, и такой язык существует в человечестве рядом с языком слов. Предметом изучения в языкознании служит именно язык слов, который по своей природе звуков речи способен достигать гораздо большего совершенствования сравнительно с языком жестов и мимики, но чтобы понять физические и духовные условия, делающие возможным появление языка, необходимо принимать во внимание и другие выражения мыслей и чувствований в наших движениях» [13. С. 195—196].

Бодуэн де Куртене называл язык жестов «оптическим языком» и включал его как один из компонентов в общий процесс развития языка [2].

Поливанов указывал, что значение слов дополняется разнообразными видоизменениями звуковой стороны, куда входит главным образом мелодия голосового тона... и, наконец жестами. Не надо думать, что эти стороны речевого процесса есть нечто не подлежащее ведению лингвистики, т.е. науки о языке. Только, разумеется, рассмотрение этих фактов... составляет особый самостоятельный отдел лингвистики [10].

Известный русский ученый Л.П. Якубинский писал о «мимическом, пантомимическом и жестикуляционном интонировании» высказываний, считая при этом, что мимика и жесты представляются не чем-то посторонним, случайным при разговоре, а органически входящим в него, даже сросшимся с ним [16].

Первая попытка описания системы НВС была предпринята в 1832 г. неаполитанским каноником Андреа де Йорио, который сравнивал жесты и телодвижения на античных вазах, картинах, скульптурах с современными. Это дало начало этнографическо-этнологическому направлению в исследованиях НВС.

Первыми разработку межнациональных различий предприняли исследователи Г. Гюнтер, Ф. Ленц, Л.Ф. Клаусс, Ботигер, Р. Бердвимстел, П. Экман, У. Фризен, Д. Кристалл, а также советские ученые Е.А. Успенский, Г.В. Колшанский, А.В. Филлипов, А.А. Акишина, И.Н. Горелов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и другие. В 60-е гг. ставится вопрос о преподавании кинесики — науки, изучающей общение людей через телодвижение [17. С. 10—15]. Р. Бердвимстел же предложил разработать систему моделей телесных движений [17. С. 160].

Социальная значимость расширения и углубления межкультурных контактов стала причиной обостренного внимания к изучению языка телодвижений, жестов и мимики в разных культурах, поэтому считалось необходимым располагать знанием о существенных «знаках» «кинетического» языка изучаемой культуры. Так, А.С. Хейз полагает, что «не менее важно, чем знание культуры, географии, истории и экономики, уклада жизни, быта и нравов страны изучаемого языка изучение конвенциональных жестов, без чего невозможно полное взаимопонимание между представителями разных народов» [19. С. 97—98].

Для того чтобы обеспечить семиотическую полноту описания конкретных языков, необходимо понять причины распределения коммуникативных функций между вербальными и невербальными средствами. Наиболее глубоко эту проблему решает системная лингвистика.

С точки зрения современной системной лингвистики очевидно, что ядро языковой системы составляют вербальные, то есть фонационно-артикуляционные средства, которые и описываются лингвистами. Они не рассматривают те явления, которые относятся к ведению паралингвистики, а именно:

А) фонационные невербальные звукоподражания, звуковые и артикуляционные жесты (например, интонационные модуляции голоса; дополнительные призвуки: всхлипывания, покашливания и т.д.; окраска голоса; звуковые последовательности типа ха-ха-ха, та-та-та, присущие речи детей и т.д.);

Б) невербальные, но не параязыковые, а языковые средства выражения, являющиеся знаками специализированных знаковых систем (например, символические и изобразительные жесты). Эти невербальные, но языковые средства следует отличать от невербальных неязыковых, собственно паралингвистических (точнее, параязыковых) средств, не имеющих отношения к семиотике, не являющихся знаками чего-либо еще, кроме самих себя (например, к ним относятся: экспрессивные жесты, состояния, отношения и манеры поведения в определенных ситуациях). Следовательно, НВС, входящие в систему языка наряду с вербальными, далее будут называться паравербальными средствами или компонентами языка (ПВС) в отличие от параязыковых средств (ПЯС) [8; 9].

Отсюда следует, что любой естественный язык включает в себя определенную подсистему паравербальных знаков как необходимую свою часть (символические, изобразительные, в том числе и «звуковые» жесты, имеющие коммуникативную направленность). К ведению же паралингвистики как «околоязыковой» науки должны относиться такие кинетические и просодические явления, которые не имеют коммуникативной направленности и являются только симптомами каких-то экспрессивных состояний (например, подпрыгивания, выражающие радость).

Опираясь на базу системной типологии языков Г.П. Мельникова, развивавшего идеи основоположника европейского теоретического языкознания В. фон Гумбольдта [5], легко научно обосновать проблему существования в языке вербальных и невербальных средств. К основным положениям системной лингвистики относится идея обусловленности грамматического строя языка своеобразием условий общения, идея наличия, в связи с этим внутренней определяющей черты языкового строя — его детерминанты.

Учение Г.П. Мельникова о детерминанте позволяет понять, для чего и почему система имеет данный, а не какое-либо другой набор единиц и их свойств, а также схему (структуру) отношений и взаимодействий между этими единицами. В системной лингвистике также различаются внешняя и внутренняя детерминанты, где внутренняя детерминанта — это то главное свойство языковой системы, поддержанию которого служат все устойчивые признаки языковой системы. Другими словами, это — внутренняя форма, о которой В. фон Гумбольдт говорил: «Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [5. С. 30].

Выбор внутренней детерминанты мотивируется внешней детерминантой, т.е. своеобразием внешних условий, в которых протекает основная масса актов общения. А функция и особенности строя каждого языка выводятся из языковой детерминанты [8. С. 12].

В системной лингвистике своеобразие внутренней формы изучаемого языка определяется через своеобразие его функции и помогает определить, какие типы содержаний в языке определенного морфологического класса более эффективно выражать с помощью вербальных знаков естественного языка, а для каких типов содержаний предпочтительнее использовать знаки паравербальной природы, входящие в систему естественного языка. Каждый язык обладает неповторимыми достоинствами, и каждый язык имеет целую шкалу недостатков, заключающихся в плохой приспособленности выражать содержание того или иного типа. Это связано с тем, что каждый язык складывается под влиянием как благоприятных, так и неблагоприятных внешних условий общения. Всякий язык, формируясь как вербальный, претендует на универсальность, но в конкретных условиях типовой коммуникации тратит свои вербальные ресурсы прежде всего на совершенствование вербальных средств выражения определенных типов содержаний, а неудобовыразимые содержания, или лакуны, язык поневоле в некоторой степени ликвидирует за счет использования НВС, а точнее паравербальных средств.

Как уже указывалось выше, функции каждого конкретного языка должны выводиться из языковой детерминанты. Так, например, в русском языке такой детерминантой является высокая степень событийности, поэтому несобытийные ситуации, не содержащие никакой динамики, являются неудобовыразимыми и скорее будут выражаться ПВС, чем событийные, удобовыразимые ситуации. Поскольку строй языка специфичен, то специфичны у него и удобовыразимые сюжеты, и благоприятные условия общения, и, соответственно, неудобовыразимые сюжеты и неудобовыразимые условия общения. Поэтому у каждого типа языка его невербальная часть, а точнее паравербальные заполнители лакун будут своеобразны. Итак, ПВС развиваются преимущественно для неудобовыразимых вербальными средствами сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е.* Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991.
- [2] *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды. В 2 т. М., 1963.

- [3] *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: ИЛ, 1955.
- [4] *Горелов И.Н.* Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 96—114.
- [5] *Гумбольдт В фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- [6] *Дарвин Ч.* Иллюстрированное собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М.: Ю. Ленковский, 1908.
- [7] *Колианский Г.В.* Паралингвистика. М.: Наука, 1974.
- [8] *Мельников Г.П.* Детерминантная классификация языков и языки банту // Африканский этнографический сборник. Новая серия. Т. 100. Л., 1972. С. 128—159.
- [9] *Мельников Г.П.* Коммуникативный ракурс — основа семантического и грамматического своеобразия языка как изобразительной знаковой системы // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М.: УДН, 1989. С. 11—26.
- [10] *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
- [11] *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971.
- [12] *Филиппов А.В.* Звуковой язык и «язык» жестов // Лингвистический сборник. Вып. III. М.: МОПИ, 1975. С. 14—33.
- [13] *Фортунатов Ф.Ф.* Значение звуковой стороны в языке // Общее языкознание. Хрестоматия. Минск: Вышэйшая школа, 1976.
- [14] *Шелгунова Л.М.* Указание на речежестовое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе. Волгоград: Волгоградский пединститут, 1979.
- [15] *Якобсон Р.* Да и нет в мимике // Язык и человек. М.: МГУ, 1970. С. 284—289.
- [16] *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Русская речь / ред. Л.В. Щерба. Пг., 1923. Вып. 1. С. 96—194.
- [17] *Birdwhimstell R.L.* Paralanguage: 25 Years after Sapir // Lectures on Experimental Psychiatry. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1961. P. 43—63.
- [18] *Hall E.T.* Silent language. N.Y.: Doubleday & Co., 1959. P. 240.
- [19] *Hayes A.S.* Paralinguistics and Kinesics: Pedagogical Perspectives // Approaches to Semiotics. L. The Hague. Paris: Mouton & Co., 1954. P. 145—172.
- [20] *Hill A.* Introduction to Linguistic Structures. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1958. P. 496.

VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS IN THE LANGUAGE SYSTEM

T.V. Lipatova

Russian Language Department № 1
Russian Language and General-educated Disciplines Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 12, Moscow, Russia, 117198

The present article is devoted to the special role of nonverbal means in communication. It reveals the function of the latter in the language system. The author offers a system linguistic approach to the differentiation between linguistics and paralinguistics, proves the idea, that a considerable amount of paralinguistic phenomena, e.g. descriptive and symbolic gestures, which modern linguistics doesn't regard as a part of language system, nevertheless should be included in it as its integral and organic but peripheral section.

Key words: social behavior, verbal and non-verbal means of communication, system linguistics, paralinguistic, the peripheral part of language system.

REFERENCE

- [1] Akishina A.A., Kano H., Akishina T.E. Zhesty i mimika v russkoj rechi. Lingvostranovedcheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1991.
- [2] Bodujen de Kurtene I.A. Izbrannye trudy. V 2 t. M., 1963.
- [3] Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. M.: IL, 1955.
- [4] Gorelov I.N. Paralingvistika: prikladnoj i konceptual'nyj aspekt. *Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija*. M.: Nauka, 1977. S. 96—114.
- [5] Gumbol'dt V fon. Jazyk i filosofija kul'tury. M.: Progress, 1985.
- [6] Darvin Ch. Illjustrirovanoe sobranie sochinenij. V 8 t. T. 3. M.: Ju. Lenkovskij, 1908.
- [7] Kolshanskij G.V. Paralingvistika. M.: Nauka, 1974.
- [8] Mel'nikov G.P. Determinantnaja klassifikacija jazykov i jazyki bantu. *Afrikanskij jetnograficheskij sbornik. Novaja serija*. T. 100. L., 1972. S. 128—159.
- [9] Mel'nikov G.P. Kommunikativnyj rakurs — osnova semanticheskogo i grammaticheskogo svoeobrazija jazyka kak izobrazitel'noj znakovoj sistemy. *Metodologija lingvistiki i aspekty izuchenija jazyka*. M.: UDN, 1989. S. 11—26.
- [10] Polivanov E.D. Stat'i po obshhemu jazykoznaniju. M.: Nauka, 1968.
- [11] Stepanov Ju.S. Semiotika. M.: Nauka, 1971.
- [12] Filippov A.V. Zvukovoj jazyk i «jazyk» zhestov. *Lingvisticheskij sbornik*. Vyp. III. M.: MOPI, 1975. S. 14—33.
- [13] Fortunatov F.F. Znachenie zvukovoj storony v jazyke//Obshhee jazykoznanie. Hrestomatija. Minsk: Vyshnejshaja shkola, 1976.
- [14] Shelgunova L.M. Ukazanie na rechezhestovoe povedenie personazhej kak sredstvo sozdanija obraza v russkoj povestvovatel'noj realisticheskoy hudozhestvennoj proze. Volgograd: Volgogradskij pedinstitut, 1979.
- [15] Jakobson R. Da i net v mimike. *Jazyk i chelovek*. M.: MGU, 1970. S. 284—289.
- [16] Jakubinskij L.P. O dialogicheskoy rechi. *Russkaja rech'*. Ed. L.V. Shherba. Pg, 1923. Vyp. 1. S. 96—194.
- [17] Birdwhimstell R.L. Paralanguage: 25 Years after Sapir. *Lectures on Experimental Psychiatry*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1961. P. 43—63.
- [18] Hall E.T. Silent language. N.Y.: Doubleday & Co., 1959. P. 240.
- [19] Hayes A.S. Paralinguistics and Kinesics: Pedagogical Perspectives. *Approaches to Semiotics*. L. The Hague. Paris: Mouton & Co., 1954. P. 145—172.
- [20] Hill A. Introduction to Linguistic Structures. NY.: Harcourt, Brace & Co., 1958. P. 496.